

А.С. Хомяков и Н.П. Гиляров-Платонов (К истории знакомства и творческих взаимоотношений)

Андрей Дмитриев^{*}

Старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии Наук.
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: июнь 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

Поэт, историк и богослов Алексей Степанович Хомяков, ставший идеологом славянофильства, и его младший товарищ, религиозно-общественный деятель, философ и публицист Никита Петрович Гиляров-Платонов познакомились около 1853 г. и в продолжение семи лет находились в приятельских отношениях и плодотворном для развития их мировоззренческих установок общении. Обстоятельства их сближения и творческих контактов выясняются по архивным источникам (мемуарным и эпистолярным), впервые вводимым в научный оборот. Хомяков и Гиляров-Платонов были деятельными авторами журнала «Русская беседа», свои публикации они предварительно обсуждали друг с другом. После смерти Хомякова Гиляров-Платонов переводил с французского языка его богословские сочинения и в ряде мемуарных очерков и писем поведал о вопросах (богословских, исторических, литературных), в которых они были единодушны, а также о возникавших между ними моментах несогласия.

Ключевые слова: А.С. Хомяков, Н.П. Гиляров-Платонов, славянофильство, религиозная философия, биография, мемуары.

---

* E-mail: apdspb@gmail.com

Введение

Личные и творческие взаимоотношения с современниками основоположника славянофильского учения, поэта, критика, историка и религиозного мыслителя Алексея Степановича Хомякова (1804—1860) — тема малоизученная. При этом ее исследование, безусловно, актуально ввиду той роли, которую Хомяков играл в русской культуре как один из создателей национально ориентированной идеологии и поэтического стиля, который отличается высокой ораторской патетикой, утверждающей возвышенные идеалы. Особый интерес представляет изучение его литературных и научных контактов с младшим единомышленником, публицистом, богословом, литературным критиком и мемуаристом Никитой Петровичем Гиляровым-Платоновым (1824—1887). Их личное общение продолжалось в течение семи последних лет жизни Хомякова и оказалось весьма плодотворным. Вскоре после кончины Гилярова-Платонова этой теме посвящались статьи их идейных последователей: князя Николая Владимировича Шаховского (Н.П. Гиляров-Платонов и А.С. Хомяков. (По сочинениям и письмам Гилярова) // Русское обозрение. 1895. № 11. С. 14—32) и Ивана Федоровича Романова-Рцы (Гиляров и Хомяков. Одна характеристическая особенность их творчества, в значительной степени затрудняющая изучение трудов названных писателей // Русское дело. 1888. № 44. С. 3—5). Они опирались главным образом на имевшуюся в их распоряжении переписку Гилярова-Платонова, а также его статьи и мемуары 1870—1880-х гг., где он высказывается о Хомякове как о своем оппоненте в спорах и вместе с тем единомышленнике во многих религиозных, исторических и литературных вопросах. Документов 1850-х гг., которые могли бы свидетельствовать о взаимоотношениях Хомякова и Гилярова-Платонова, не сохранилось. Выявленные в архивах новые материалы позволяют уточнить и существенно расширить сложившиеся научные представления об изучаемой проблеме.

Основная часть

Видный в 1850—1880-х гг. публицист и религиозно-общественный

деятель Н.П. Гиляров-Платонов входил в тесный славянофильский кружок в 1850-х — начале 1860-х гг. и впоследствии считался одним из наиболее авторитетных исповедников того творческого, живого консерватизма, которым характеризовалось мировоззрение так называемых «старших славянофилов» — прежде всего отца и сына Аксаковых (Сергея Тимофеевича и Константина Сергеевича), братьев Ивана и Петра Васильевичей Киреевских, А.С. Хомякова.

Вместе с тем в кругу славянофилов Гиляров-Платонов всегда оставался своего рода «белой вороной». Подытоживая жизненный путь в откровенных письмах к своему ученику, тогда начинающему публицисту И.Ф. Романову-Рцы, он писал (2 ноября 1886 г.): «Но славянофильские мнения мне родственны, а совсем не тождественны; скажу Вам по секрету: точка отправления славянофилов узка» (Гиляров-Платонов 2007. 247, 248). И днем позже: «Говоря “славянская держава”, как бы предполагают нечто высшее и во всяком случае более обширное и общее, нежели Русская держава; как будто Русь (народ) и Россия (государство) суть часть какого-то более обширного и более высокого целого. Ведь это вздор <...>: Русская держава и русский народ суть русские и не более того; им принадлежат мировое значение и мировое будущее, не славянам, хотя они и порываются кичиться чем-то» (Гиляров-Платонов 2007. 257). То есть, по сути, самым ценным и насущным в историософских и социально-политических построениях славянофилов Гиляров-Платонов считал не славяно-, а русофильство.

Играло немаловажную роль и его социальное положение. В отличие от большинства славянофилов, отпрысков довольно родовитых дворянских семейств, Гиляров-Платонов был выходцем из священнической среды, причем провинциальной, из подмосковного города Коломны. Оставшись в 1848 г., после окончания Московской духовной академии, в ней преподавать (на должности бакалавра), он по-новому строил читаемые им курсы, любил импровизировать на кафедре, будя мысль студентов творческим подходом к анализу как наследия церковных писателей, так и острых проблем русской

общественно-религиозной жизни. Когда, наконец, иссякло терпение у академического начальства и его в 1855 г. уволили, он порвал с духовным сословием и избрал поприще чиновника и литератора-разночинца.

Быстрое сближение Гилярова-Платонова со славянофильским кружком произошло прежде всего благодаря свежести мысли молодого бакалавра при внутренней глубине его познаний. Его авторитет как богослова и, кроме того, основательного знатока Гегеля был непререкаем в славянофильском кругу. Гиляров-Платонов позже, в 1886 г., вспоминал: «<Иван> Аксаков меня ценил, ставил меня очень высоко; во многих случаях я был для него авторитетом. Мало того: покойный Ю.Ф. Самарин склонялся предо мной (по моему мнению, даже сверх заслуженного); для Хомякова я был даже *единст венным* человеком, с которым он признавал полное свое согласие» (письмо к Шаховскому от 2 февраля – Гиляров-Платонов. 2009а. 488—489). И еще: «...Хомяков, Константин Аксаков подвергали моей предварительной критике свои сочинения...» (письмо к Романову-Рцы от 3 ноября – Гиляров-Платонов 2007. 256).

Для славянофилов он оказался совершенно необходимым деятелем, обеспечивавшим реальную связь, с одной стороны, с малознакомым для них миром духовного сословия и, с другой — с областью научно-богословского знания. Поначалу именно его предполагалось поставить редактором замышлявшегося журнала «Русская беседа» (1856—1860). Он оказался востребованным автором ряда программных статей в этом издании по эстетике, методологии истории, литературной критике, философии; а кроме того, получив в мае 1856 г. место цензора, ограждал любимое детище славянофилов от репрессивных мер.

При этом многие убеждения изгнанного из Духовной академии свободомыслящего преподавателя вполне отвечали принципиальным мировоззренческим установкам его новых друзей. Приведем несколько неопубликованных отзывов, зафиксированных биографом Гилярова-Платонова, князем Н.В. Шаховским, который в 1893 г. сумел пообщаться с его

знакомыми и родственниками (он предполагал опубликовать сборник писем Гилярова-Платонова и мемуарных свидетельств о нем). Младший брат религиозного философа и публициста Юрия Самарина Дмитрий Федорович вспоминал: «Славянофил<ов> поразило сходство в убеждениях молодого бакалавра, который совершенно особым, своим путем дошел до поразительного сходства даже в выражен<иях> и некоторы<х> убежден<иях> с ихними. После переезда в Москву были постоянно свидания и обмен мыслей» (Шаховской 1893. 56).

Со слов историка и журналиста Петра Ивановича Бартенева Шаховской записал: «Со славянофилами Аксаковыми, Погодиным и Хомяковым, а равно и гр. Блудовым, Гилярова познакомил П.И. Бартенев» (Шаховской 1893. 44 об.).

Важно и свидетельство вдовы Гилярова-Платонова: «С Хомяковым Н<икита> П<етрович> тоже познакомился в бытность его профессором в Моск<овской> духов<ной> академии у Троицы; бывало, идет, расск<азывает> Вера Алексеевна, небольшого роста человек в тулупчике, кушаком подпоясанный, в крест<ьянской> шапке. — Увидит его Гиляров: “Ах, да это Алек<сей> Ст<епанович>” — и сейчас бежит опередить его, встречает. Приедут <...> и часы целые сидят разговаривают» (Шаховской 1893. 47 об.).

Видимо, наиболее интенсивно общение Хомякова и Гилярова-Платонова и происходило в Сергиевом Посаде до переезда семьи последнего в Москву в конце ноября 1855 г. Оба заядлые спорщики и энциклопедически образованные люди, они здесь оставались один на один друг с другом и получали полную свободу для удовлетворения потребности страстных своих натур в выяснении истины — прежде всего в обсуждении сложных религиозно-философских проблем.

Первоначальному сближению как раз и способствовало сходство преимущественных философских и богословских интересов Хомякова и Гилярова-Платонова.

Известно, что оба они, можно сказать, досконально изучили «Науку

логики» Гегеля, оба дали глубокую критику гегелевского рационализма и у них не оказалось в этом никаких существенных разногласий. Печатно они высказались о Гегеле в «Русской беседе», причем Хомяков двумя годами ранее Гилярова-Платонова — в статье, опубликованной в первой книжке за 1857 год: «По поводу отрывков, найденных в бумагах И.В. Киреевского», а затем в первой книжке за 1859 г. — в статье, написанной в форме открытого письма к Ю.Ф. Самарину «О современных явлениях в области философии». Гиляров-Платонов в третьей книжке за тот же 1859 год поместил обстоятельный очерк «Рационалистическое движение философии новых времен». Правда, он представлял собой часть его полукурсовой философской диссертации «Об онтологии Гегеля размышление», написанной 14-ю годами ранее, в 1846 г. (за нее Гиляров получил почетную прибавку к своей фамилии — «Платонов»).

Гиляров-Платонов проделал беспримерную для своего времени работу (фактически он был и первым переводчиком на русский «Науки логики» и «Феноменологии духа») и по праву может считаться одним из первых гегелеведов в России. Гиляров-Платонов вскрыл ущербную односторонность гегелевского панлогизма, служившего орудием для «скрытого отрицания» самой категории бытия, и показал внеположность всей этой философской системы к христианской онтологии и этике. Система Гегеля, по его определению, «есть освящение всякого насилия теории над жизнью, фаталистически-бездушный оптимизм по отношению к каждому ничтожному факту, соединенный с полнейшим нравственным безразличием» (Гиляров-Платонов 1899. 362). Тот же философский подход последовательно применялся Гиляровым-Платоновым и к оценке литературных явлений и событий общественной жизни.

Сходные формулировки находим и у Хомякова: «Сущее должно быть совершенно отстранено. Само понятие, в своей полнейшей отвлеченности, должно было все возродить из собственных недр. Рационализм или логическая рассудочность должна была найти себе конечный венец и Божественное освящение в новом создании целого мира» (Хомяков 1900. 267). «Корень же

общей ошибки Гегеля лежал в ошибке всей школы, принявшей рассудок за целостность духа. Вся школа не заметила, что, принимая понятие за единственную основу всего мышления, разрушает мир: ибо понятие обращает всякую ему подлежащую действительность в чистую, отвлеченную возможность» (Хомяков 1900. 299).

Это паразитическое сходство в оценке системы Гегеля, с осуждением ее «полнейшего нравственного безразличия», было проявлением и кардинального родства основных воззрений Хомякова и Гилярова-Платонова. Перу последнего принадлежит наиболее яркая поминальная речь о Хомякове («О судьбе убеждений»), в которой, формулируя суть его взглядов, Гиляров-Платонов, безусловно, декларировал и свои убеждения: «Если б спросили меня, как вкратце выразить воззрения Хомякова, я бы отвечал одним словом: любовь. Любовь — это, действительно, первое и последнее слово, к которому сводились все его убеждения. В любви Хомяков признавал не только высшее начало деятельности в практическом смысле, но и высшее начало знания, единственное твердое обеспечение истины».

Известно, что присущие им энциклопедизм и универсализм воплощались, так сказать, в творческой экспансии на многие сферы жизни. Если перечислить основные занятия, которым предавался в продолжение своей жизни Хомяков (социология, богословие, публицистика, философия, историософия, политэкономия, гомеопатия, лингвистика, литературная критика), то придется признать, что во всех этих областях знания несомненны достижения и Гилярова-Платонова. Даже в сферах сельскохозяйственного производства и технического изобретательства они оба достигли заметных результатов. Хомяков увлеченно занимался винокурением и сахароварением, получил патент на изобретенную им паровую машину, разработал дальнобойное ружье. Успехи Гилярова-Платонова были не столь впечатляющи, но и после его кончины на рынках Москвы долго продавался выведенный им сорт «Гиляровской клубники», вполне профессионально он занимался пчеловодством. А управляя писчебумажной фабрикой, проводил в

лаборатории химические опыты с еловыми иголками ради производства дешевой бумаги, с местной железистой водой; активно интересовался торфоразработками.

Единственными сферами, недоступными Гилярову-Платонову, остались живопись (Хомяков был неплохим портретистом и иконописцем) и поэзия: Гиляров-Платонов признавался в книге «Из пережитого»: «...к стихам я вкуса не имел и не имел терпения их читать. Признаюсь в своем недостатке: стихотворная форма до сих пор не находит отзвука в моей душе; хотя я не лишен способности ценить стих, но ценю его внешним образом» (Гиляров-Платонов 2009. 122). Вместе с тем нельзя отрицать, что в своей мемуарной прозе, а отчасти и в публицистике Гиляров-Платонов выступает как художник слова.

Причем из-за этого универсализма, нежелания сосредоточиться на одном деле жизни и Хомякову, и Гилярову-Платонову был присущ элемент дилетантизма, их многие проекты и замыслы реализовывались лишь отчасти. Ю.Ф. Самарин осудил поминальную речь М.П. Погодина, который нетактично упомянул об этом недостатке Хомякова. 13 декабря 1860 г. Самарин сообщал Гилярову-Платонову (это письмо пока не опубликовано): «Мы все знаем, а особенно враги покойника, — что он рассыпался во все стороны и брался за всё. Об этом нечего толковать; а напротив, для тысяч, кто не близко знал его или не хотел понимать его, нужно воссоздать его духовный образ в его цельности и единстве. Погодин это-то и упустил из виду» (Самарин 1860. 7). Еще более эта особенность, или «контрапунктный строй личности» (выражение В.А. Викторovichа), была свойственна Гилярову-Платонову.

Наиболее же существенные разногласия между ним и Хомяковым затрагивали область богословия и в полной мере выявились при подготовке к изданию 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова в 1860-х гг.

И это при том, что в середине 1850-х гг. они удивлялись своему «умственному родству». Гиляров-Платонов писал в мемуарах: «И я, и Алексей Степанович часто поражались до буквальности иногда доходившим сходством

некоторых наших воззрений и отыскивали причину. Привожу два особенно поразительные примера. Когда вышла первая из богословских брошюр Хомякова (по поводу Тютчева и аббата Лоранси), я прочел в ней сравнение индульгенций с банковыми чеками. Это было мое сравнение, которое я передавал слушателям на лекциях. На целых двух страницах ход мыслей и почти выражения были у нас тождественны» (Гиляров-Платонов 2009. 206). Упомянутая работа «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси» была опубликована Хомяковым в Париже в 1853 г. на французском языке. Поводом к ее написанию послужило сочинение видного католического публициста П.С. Лоранси «Папство, ответ г. Тютчеву, советника Е<го> В<еличества> императора России» (1852), полемизировавшего со статьей Ф.И. Тютчева «Папство и Римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга» (1849). Упомянутое Гиляровым-Платоновым сравнение содержится и в этой, и в более развернутом виде — во второй брошюре Хомякова: «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания парижского архиепископа», опубликованной в 1855 г. в Лейпциге также на французском языке. Ее перевод, выполненный Гиляровым-Платоновым, увидел свет в январской и февральской книжках журнала «Православное обозрение» за 1864 год (см. эти места: Хомяков 1900а. 53, 117, 122, 123, 126).

Гиляров-Платонов продолжал: «В другой раз, беседуя с Алексеем Степановичем, я сказал, что евангелист, если бы теперь жил, употребил бы не *Логос*, а, пожалуй бы, *субъект-объект*, говоря о Второй Ипостаси Божества. Хомяков рассмеялся и сказал: именно это самое я пишу теперь и на это выражение *субъект-объект* указываю (в одной из следующих брошюр)» (Гиляров-Платонов 2009. 206). Речь идет о сочинении «Еще несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу разных сочинений латинских и протестантских о предметах веры», опубликованном Хомяковым в 1858 г. отдельной брошюрой в Лейпциге также на французском

языке. Перевод, выполненный Гиляровым-Платоновым, был впервые опубликован в составе 2-го тома Полного собрания сочинений Хомякова (Прага, 1867). Однако здесь в триадологических рассуждениях Хомякова применительно к Богу-Слову употребляется лишь термин «Объект» (см.: Хомяков 1900а. 238—239, 241—242). Об «объект-субъективации» мыслитель говорит по отношению к третьей Божественной ипостаси — Святому Духу — в написанной на латыни заметке о Св. Троице (Хомяков 1900а. 513). Хомяков указывает и источник терминологии — «философские системы, подобные нынешним, германским» (Хомяков 1900а. 238).

В письме к И.Ф. Романову-Рцы от 23 ноября 1886 г. Гиляров также упоминает этот эпизод: «Я говорил на лекциях: Христа назвали Логос, а теперь совершенно правильно назвали бы его Субъект-Объект. Прихожу к Хомякову, между прочим говорю это. А он мне в ответ: вообразите, это самое я говорю в брошюре, которую пишу» (Гиляров-Платонов 2007. 302). Кроме того, в рецензии на богословские сочинения Хомякова, опубликованной в издававшейся Гиляровым-Платоновым газете «Современные известия» от 11 сентября 1880 г., он отмечал: «В предисловии читается, что трудившимся в переводе Хомякова был Н.П. Гиляров-Платонов. Следы своего косвенного участия усматриваем до некоторой степени даже в содержании; определение, которое дает Хомяков некоторым из таинств, и заметка об условном значении термина “Логос” напоминают нам о наших изустных беседах и прениях. Затем — оценка, которую дает Хомяков католичеству и протестантству (в первых своих брошюрах) сошлась с собственною нашею, которая, независимо от того, раскрывалась на лекциях в Духовной академии, до поразительного, до буквального тождества примеров и сравнений» (Гиляров-Платонов 1906. 212).

Отметим, что подобный модернизм в богословской терминологии оскорблял некоторых их единомышленников. В связи с этим, например, археограф Н.П. Барсуков, по свидетельству Шаховского, «считает его <Гилярова-Платонова> человеком неверующим, да и в Хомякове он не видит крепкой веры. — О Св. Троице, которой он поклоняется с верою, они

толковали ежедневно, жонглируя логическими тонкостями мысли “Субъект-Объект” 2-е лице Св. Троицы» (Гиляров-Платонов 1893. 27 об.).

Так вот Гиляров-Платонов, приступая к переводу богословских брошюр Хомякова, столкнулся с тем, что терминология, хотя и была свободна от схоластической закваски, свойственной русскому богословию того времени, однако мало учитывала традицию издания на русском языке сочинений византийских церковных писателей. Гиляров-Платонов писал Ю.Ф. Самарину 13 ноября 1866 г.: «Терминология Хомякова и, кажется, Киреевского <...> по моему мнению, — неправильная. Они называли *разумом* противоположность вещественному; человек, поелику он невещественное, есть разум. Это неверное означение, и притом означение путающее. Противоположность веществу есть дух...» (Гиляров-Платонов 1900. 65). Объяснялось это тем, что Хомяков исходил из закономерностей французского языка: «...ему представлялось прежде всего все-таки l'intelligence, удивительно убогое слово этого убогого на высшие понятия языка», а также «мешала правильному словоупотреблению гегелевщина. Der Geist, хоть и есть собственно дух, у Гегеля превратился в нечто собирательное <...> например, *дух писат еля* или *дух времени*» (Гиляров-Платонов 1900. 65). Удачным заимствованием из церковных сочинений могло бы стать «умный» в значении «духовный»: «...слова *умный*, в смысле отеческом, не только не следует избегать, но необходимо вводить его понемногу из литературы чисто церковной в обыкновенную, житейскую» (Гиляров-Платонов 1900. 65—66). Гиляров-Платонов продолжал свои новаторские экскурсы в лингвистику: «Выражение “вера *осмысленная*”, по моему разумению, неправильно. Осмысленным должно быть названо то, чему дается смысл отвне, со стороны <...>. Но вера непременно смыслящая (в действительном залоге), коль скоро с нею соединяется *собст венное* ее разумение. В страдательном залоге можно употребить в этом смысле слово *просвет ленная*» (Гиляров-Платонов 1900. 66).

О других своих несогласиях с Хомяковым Гиляров-Платонов упоминал в письмах к ученикам Романову-Рцы и Шаховскому. Интересно такое

воспоминание в письме к первому из них от 12 ноября 1886 г.: «Сам Хомяков сказал раз, когда по обыкновению своему спорил я с ним: “А знаете ли, гг., из всех нас Н<икита> П<етрович> всех одномысленнее со мною, и ни с кем между нами не бывает столь постоянных и столь частых споров”. Он выразился даже как-то сильнее о тождестве наших взглядов. Они действительно тождественны, но и различны» (Гиляров-Платонов 2007. 271). Важны и другие признания Гилярова-Платонова Романову-Рцы: «А мне, главное, хочется поставить Вас на точку, откуда идет мое разногласие с Хомяковым при согласии с ним. Я назвал его *одност оронним*; точнее будет выразиться, что он *неполон*» (письмо от 23 ноября 1886 г. –Гиляров-Платонов 2007. 305); «Вы обращались ко мне, в надежде видеть комментатора Хомякова. Но я от Хомякова совершенно независим и потому взаимные объяснения наши будут только взаимными недоразумениями» (письмо от 11 января 1887 г. – Гиляров-Платонов 2007. 325).

Сближало его с Хомяковым свободное отношение к церковным обрядам. В феврале 1886 г. он писал князю Шаховскому: «Хомяков, благоговейнейший хранитель всей обрядности, сводил исполнение церковных уставов к требованию любви, придавал им условную нравственную обязательность, чтобы “не оскорбить братьев по вере”» (Гиляров-Платонов 1886. 15—15 об.). Но Гиляров-Платонов считал неприемлемой известную идеализацию Хомяковым «исторического православия». 23 ноября 1886 г. он писал Романову-Рцы: «Истина Божественная <...> воплощаясь в народах и отдельных лицах, принимает разные формы, не переставая быть тою же. <...> Христианство, известным образом понятое и усвоенное, и составляет один из элементов русской народности. В связи с этими, физиологически духовными, как я сказал, или, точнее, этнопсихическими задатками, вера с народностью составляет целое, нераздельное. Без так называемого Православия исчезает русская народность как таковая; но и Православие в таком виде, как усвоено русским народом, есть не то, что было и есть у греков etc.» (Гиляров-Платонов 2007. 302).

Именно поэтому Гиляров-Платонов не мог принять идей Хомякова о механическом заимствовании верований народами. 12 ноября 1886 г. он писал: «Дойдя *своим умом* до признания основного фактора в истории в известном антитезе *свободы и необходимости*, определяя совершенно или почти тождественно *дух и материю*, я восставал (и восстаю) против механичества преемства верований, которое проводил Хомяков в “Семирамиде” (“Записках о всеобщей истории”). Это *сущест веннейшее* разногласие; о некоторых частных я уже писал Вам. Поэтому на вопрос: “Неужели и Хомяков узок?” — я отвечу: и *да*, и *нет*. Правильнее будет ответить, что нахожу некоторую односторонность» (Гиляров-Платонов 2007. 271). Спустя десять дней, 23 ноября 1886 г., Гиляров-Платонов по просьбе Романова-Рцы возвратился к этой теме: «Механическое заимствование что такое? Вы спрашиваете. Хомяков радовался, находя у какого-нибудь народа верования, схожие с верованием другого, древнего, и начинались догадки о переселении и тому подобное. Я этому переносу духовных поверий придаю третьестепенное значение. Воплощения Вишны списаны с Христа или наоборот? По-моему, ни то, ни другое. Так и во всем. Народ как духовная личность всякий способен к творчеству; силы у всех одни и те же, хотя материал разный. Однородность обстановки создает однородный материал, а отсюда может создаться и однородное верование» (Гиляров-Платонов 2007. 303). Нельзя не признать, что, творчески развивая религиозно-историческое учение Хомякова, Гиляров-Платонов оказывался подчас прозорливее и глубокочисленнее своего старшего товарища...

Романов-Рцы в одной из мемуарных статей («Как я нашел Никиту Петровича», 1898) сравнил своих учителей Хомякова и Гилярова-Платонова. Приведем в заключение это его сопоставление: «Хомяков был все-таки поэт, и не в стихах, а именно в своей чарующей прозе, Гиляров, наоборот, — прозаик. Инстинкт реального, чувство действительности было глубоко присуще последнему. Этим он был выше Хомякова и ниже, сильнее и слабее его. Хомяков манил, возвышал, увлекал. Трезвый прозаик, Гиляров не мог улететь

в заоблачные пространства, но зато его идеал, хотя и тождественный с хомяковским, действовал отчасти расхолаживающим образом» (Гиляров-Платонов 2007. 360).

Заключение

Творческие и дружеские взаимоотношения русских писателей-славянофилов и религиозных мыслителей А.С. Хомякова и Н.П. Гилярова-Платонова, продолжавшиеся с 1853 по 1860 год, оказались довольно плодотворны для обоих. Это общение содействовало развитию и уточнению их взглядов по широкому кругу проблем от отношения к системе Гегеля и «историческому православию» до выработки адекватной богословской терминологии, учитывающей как новейшие достижения немецкой философии, так и традицию переводов на русский язык сочинений византийских церковных писателей. Сближению писателей способствовало их психологическое сходство: обоим были присущи энциклопедизм и универсализм, выражавшиеся в творческой экспансии на многие сферы жизни, прежде всего на социологию, богословие, публицистику, философию, историософию, политэкономия, лингвистику, литературную критику, гомеопатию. Причем их достижения оставили заметный след в русской науке и литературе.

Литература

- Самарин Ю.Ф. (1860). *Письма к Н.П. Гилярову-Платонову* // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.). Ф. 847. № 686. 18 л.
- Гиляров-Платонов Н.П. (1886). *Письма к Н.В. Шаховскому* // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.). Ф. 847. № 505. 15 л.
- Шаховской Н.В. (1893). *Матерьялы для биографии Н.П. Гилярова-Платонова* // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.). Ф. 847. № 49. 58 л.
- Гиляров-Платонов Н.П. (1899). *Сборник сочинений. В 2 т.* М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 1. LX, 479 с.

- Гиляров-Платонов Н.П. (1900). *Сборник сочинений: В 2 т.* М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 2. 526 с.
- Хомяков А.С. (1900). *Сочинения: В 8 т.* М., Университетская типография. Т. 1. 408 с.
- Хомяков А.С. (1900а). *Сочинения: В 8 т.* М., Университетская типография. Т. 2. 524 с.
- Гиляров-Платонов Н.П. (1906). *Вопросы веры и церкви. Сборник статей ей: В 2 т.* / Под редакцией князя Н.В. Шаховского. М., Издание К.П. Победоносцева. Т. 2. 616 с.
- Гиляров-Платонов Н.П. (2007). *Письма к И.Ф. Романову-Рцы* / Вступительная статья, подготовка текста и комментарий А.П. Дмитриева // Возвращение Н.П. Гилярова-Платонова: Сборник статей и материалов. Коломна, Коломенский государственный педагогический институт. С. 209-364.
- Гиляров-Платонов Н.П. (2009). *Из пережитого. Авторбиографические воспоминания: В 2 т.* / Издание подготовили А.П. Дмитриев, И.Г. Птушкина, Л.В. Дмитриева. СПб., Изд-во «Наука». Т. 1. 616 с.
- Гиляров-Платонов Н.П. (2009а). *Из пережитого. Авторбиографические воспоминания: В 2 т.* / Издание подготовили А.П. Дмитриев, И.Г. Птушкина, Л.В. Дмитриева. СПб., Изд-во «Наука». Т. 2. 718 с.

Bibliography

- Samarin J.F. (1860). Pis'ma k N.P. Ghilarovu-Platonovu // Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki (SPb.). F. 847. № 686. 18 l.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1886). Pis'ma k N.V. Shakhovskomu // Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki (SPb.). F. 847. № 505. 15 l.
- Shakhovskoj N.V. (1893). Mater'jal dlja biografii N.P. Ghilarova-Platonova // Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki (SPb.). F. 847. № 49. 58 l.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1899). Sbornik sochinenij: V 2 t. M., Izdanie K.P. Pobedonosceva. T. 1. LX, 479 s.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1900). Sbornik sochinenij: V 2 t. M., Izdanie K. P. Pobedonosceva. T. 1. 526 s.
- Khomjakov A.S. (1900). Sochinenija: V 8 t. M., Universitetskaja tipografija. T. 1. 408 s.
- Khomjakov A.S. (1900a). Sochinenija: V 8 t. M., Universitetskaja tipografija. T. 2. 524 s.
- Ghilarov-Platonov N.P. (1906). Voprosy verы i tserkvi: Sbornik statej: V 2 t. / Pod redakciej knjazja N. V. Shakhovskogo. M., Izdanie K.P. Pobedonosceva. T. 2. 616 s.

Ghilarov-Platonov N.P. (2007). Pis'ma k I. F. Romanovu-Rtsy / Vstupitel'naja stat'ja, podgotovka teksta i kommentarij A.P. Dmitrieva // Vozvrashchenie N.P. Ghilarova-Platonova: Sbornik statej i materialov. Kolomna, Kolomenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut. S. 209—364.

Ghilarov-Platonov N.P. (2009). Iz perezhitogo. Avtobiograficheskie vospominanija: V 2 t. / Izdanie podgotovili A.P. Dmitriev, I.G. Ptushkina, L.V. Dmitrieva. SPb., Izd-vo "Nauka". T. 1. 616 s.

Ghilarov-Platonov N.P. (2009a). Iz perezhitogo. Avtobiograficheskie vospominanija: V 2 t. / Izdanie podgotovili A.P. Dmitriev, I.G. Ptushkina, L.V. Dmitrieva. SPb., Izd-vo "Nauka". T. 2. 718 s.

آ. اس. خامیکوف و ان. پ. گیلیاروف-پلاتونوف (درآمدی بر تاریخ آشنایی و همکاری ادبی)

آندری دمیتریف*

استادیار پژوهشی انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) آکادمی علوم روسیه.

سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن 2015؛ تاریخ پذیرش: اوت 2015)

آلکسی ستیانوویچ خامیکوف، شاعر، مورخ و متخصص الهیات که بعدها ایده‌پرداز اسلاوگراها شد و همکار کوچک ترش، نیکیتا پتروویچ گیلیاروف-پلاتونوف که شخصیت برجسته مذهبی و اجتماعی، فیلسوف و روزنامه‌نگار عصر خود به‌شمار می‌رفت، در سال 1853 میلادی با یکدیگر آشنا شدند و در طول هفت سال، با یکدیگر روابط دوستانه و نزدیکی داشتند؛ این امر به رشد و پیشرفت پرثمر جهان‌بینی هر دوی آن‌ها کمک شایانی کرد. ارتباط ادبی و هنری نزدیک آن دو را می‌توان بر اساس منابعی که در آرشیوها نگهداری می‌شود (خاطرات و یادداشت‌های روزانه و رساله‌ها) آشکار نمود. گفتنی است که این منابع برای نخستین بار در پژوهش حاضر به چرخه علمی وارد شده‌اند. خامیکوف و گیلیاروف-پلاتونوف از نویسندگان فعال مجله «گفتگوی روسی» (Русская беседа) بودند و درباره آثار خود پیش از انتشار با یکدیگر بحث و گفتگو می‌کردند. گیلیاروف-پلاتونوف پس از مرگ خامیکوف، آثار دینی او را از زبان فرانسه به روسی ترجمه کرد و در قالب یادداشت‌های روزانه و نامه‌ها به تبیین مسائل دینی، تاریخی و ادبی‌ای پرداخت که هر دو نویسنده در آن‌ها دیدگاه‌های مشترکی داشتند؛ گیلیاروف-پلاتونوف همچنین به اختلاف‌نظرهای موجود میان خود و خامیکوف نیز اشاره کرد.

واژگان کلیدی: خامیکوف، گیلیاروف-پلاتونوف، اسلاوگرایی، فلسفه دینی، بیوگرافی، خاطرات.

* E-mail: apdspb@gmail.com